

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ТРЕФИЛОВ

ШУСТРЫЙ.
РОЖДЕНИЕ ВОИНА

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Т66

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1021

Художник
М. Поповский

Трефилов А.

Т66 Шустрый. Рождение воина: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2279-1

Разве миром правят деньги? Нет — отвага, смелость и беспощадность к врагам! Желание выжить и отомстить проведет бывшего курсанта военного училища по прозвищу Шустрый через многочисленные препятствия. Трибунал, стирание личности, межгалактический прыжок? Опальный агент-пограничник не боится трудностей! Внедриться, найти и уничтожить — вот другое название его профессии. Забытая богом планета в галактике Андромеда, мутанты, людоеды и полчища непокоенных? Шустрый найдет, чем и как ответить на угрозу!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Алексей Трефилов, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2279-1

ГЛАВА 1

Я бежал через лес, ловко уклоняясь от веток и проламываясь сквозь молодую поросль. Легкие работали ровно и ритмично. Сучки кололи босые ноги, но я не обращал на боль никакого внимания — не до того было. Крики преследователей раздавались позади. Споткнулся о корень, на автомате сгруппировался, сделал кувырок и рванул дальше.

Ф-фр-р... Стрела пролетела рядом с головой и воткнулась в ствол дерева.

Подпрыгнул прямо на бегу и выдернул ее: мне очень было нужно хоть какое-нибудь оружие. Многие думают, что стрела без лука бесполезна, но это не так — из нее выходит отличное колющее оружие ближнего боя. Бросив на стрелу быстрый взгляд, мысленно ругнулся: наконечник был не закреплен и остался в древесине. Отшвырнул древко в сторону и побежал дальше. Крики приблизились — еще бы, аборигены были здесь у себя дома, а я местности не знал и стремился оторваться от них наугад.

Неожиданно земля ушла у меня из-под ног. С криком пролетев метров семь, упал с обрыва в воду. Мне крупно повезло: на острый обломок ветки не наткнулся, о камни не разбился. В месте падения было достаточно глубоко. Оттолкнулся ногами от дна и всплыл на поверхность. Хватанул воздух ртом и попытался сориентироваться. Оказывается, я свалился с очень крутого, сильно заросшего берега широкой реки. Течение воды было быстрым и стремительным, кое-где виднелись водовороты и торчали камни. Плыть назад к берегу не имело смысла — там меня мгновенно утыка-

ют стрелами, — то же самое произойдет, если попытаюсь уплыть по течению. Терять времени было нельзя, поэтому добрался до небольшого валуна, торчащего из воды, и спрятался за ним: хоть какая-то защита от стрел. Погрузился в воду почти полностью и стал наблюдать за берегом.

Была надежда, что аборигены меня просто не заметят или подумают, что я утонул. Как бы не так! Меня сразу обнаружили, в воду начали плюхаться стрелы. Дикари, размазанные красной краской, чихать хотели на мои потуги замаскироваться. Огляделся. Было ясно, что когда эти товарищи, которые мне совсем не товарищи, успокоят дыхание и уймут дрожь в руках после длительной пробежки, они сразу же превратят меня в подушечку для иголок. Или в мертвого ежика, без оглядки променявшего беспросветное сухопутное существование на активный водный образ жизни. Нырнул и поплыл к другому валуну, так потихоньку и добрался до середины реки, рискуя в любой момент получить оперенную занозу в спину.

Дальше плыть было некуда, камни закончились, но и это дело: расстояние между мной и аборигенами увеличилось. С их маленькими луками, предназначенными для стрельбы на близкую дистанцию, достать меня стало затруднительно. Сами дикари в воду лезть не стремились, но активно меня обстреливали. Надеюсь, в реке не живут крокодилы. Подобрал одну стрелу и обнаружил, что у нее каменный наконечник. В общем-то вполне ожидаемо. В этот момент увидел роскошную корягу, проплывавшую мимо. Кому как, а мне она показалась прямо матерью родной. Зажал стрелу в зубах, поднырнул и вцепился в нее, вознося хвалу небесам и прочей вселенной.

Дикари взвыли от ярости, стрелы так и замелькали в воздухе, какой-то особо невзлюбивший меня товарищ даже копья не пожалел. На всякий случай я спрятался совсем, оставив на поверхности воды только лицо. Потихоньку подгрел ногами, стараясь, чтобы коряга плыла посередине реки. Во-первых, тут стремнина. Во-вторых, другой, пологий берег реки представлял собой степь и там паслись какие-то

животные. Может быть, они и не паслись вовсе, а прикидывали, как мной пообедать. Вот уплыву подальше — там уже о суше мечтать буду.

Кровожадные дяденьки категорически не хотели отставать и следовали за мной по берегу, сыпля ругательствами. Кое-какие слова я понимал: разговаривали они на уника — универсальном языке — с таким акцентом, что у меня уши вяли. Но и это плюс — надеюсь, здесь и нормальные люди где-нибудь живут, этот факт поможет с ними договориться. Река начала сужаться, течение стало еще сильнее, по обоим берегам появились обрывистые скалы. Аборигены остановились и напоследок пожелали мне вступить с самим собой в противоестественный половой контакт. Отвечать не стал.

Впереди раздавался шум, очень похожий на рев водопада. Увидел примыкающую к скале полого уходящую в воду каменную плиту, отцепился от коряги и поплыл к ней. Выбрался на согретую солнышком поверхность и обессиленно упал на спину. Слишком много приключений выпало за этот день на мою долю. Провалился в беспокойную дрему.

*Сектор Веге, станция дальней разведки.
5038 стандартный год от Объединения.
Два месяца назад*

— Встать! Смирно! — скомандовал судебный пристав.

Я с трудом поднялся на ноги. Мешали кандалы, да и две последних бессонных ночи хорошему самочувствию не способствовали. Посмотрел на трех судей Трибунала, их взгляды были абсолютно бесстрастны. Средний зачитал приговор:

— Заключение номер 2427-13/бис. Курсант военного училища, четвертого курса обучения, признается виновным в тройном предумышленном убийстве и нарушении воинской присяги. Приговаривается к стиранию личности и передается в распоряжение специального корпуса. Осужденный, что можешь сказать Трибуналу в свое оправдание? В соответствии с законом тебе предоставляется последнее слово.

— Что хочешь услышать? Где ты был, когда надо мной четыре года измывались? Мои рапорты о происходящем жене на ночь читал в качестве развлечения? Теперь вы, считая меня, четверых потеряли из-за своего слабоумия. Ты, который во всем виноват, что чувствуешь? Как я догадываюсь, тебе просто все равно! Оно и видно, только ты не льсти себе, просто так не отделаешься. Прежде чем вы меня схватили, я стационарный искин взломал. И информацию в СМИ скинул: кто-нибудь наверняка захочет пощипать военным перышки. Ты всего лишь майор из захолустного училища. Догадайся, кого назначат крайним? Помнится, на той неделе Генеральный штаб обещал журналистам все факты неуставных взаимоотношений в армии прекратить. А тут такой подарок!

Майор невозмутимо кивнул приставу, я затрясся от удара шокера, свалился на пол и потерял сознание.

*Сектор Веги, окрестности черной дыры,
исследовательская станция.
5038 стандартный год от Объединения*

Я стоял и тупо смотрел в стену. В последнее время все делал тупо, со стороны напоминал скорее серва, чем человека. Весь наш отряд смертников вел себя так же. Может быть, кому-нибудь из них тоже повезло, но они маскировались не хуже меня. Все дело в стирании личности — как-то приходилось мне читать, что примерно пять процентов осужденных частично сохраняли память после первой процедуры. Таких счастливчиков отслеживали и направляли на повторную экзекуцию, делая из них никому не нужных слюнявых идиотов. За примером далеко ходить не было необходимости. Сам видел, как это происходило. Тогда же и состоялся примечательный разговор, определивший мою дальнейшую судьбу. После того как меня и толпу преступников передали спецкорпусу, с нами долго не церемонились — обрили головы и засунули в мнемокодер. Дергаться не имело смысла: охрана не дремала. Дальше нашу разномастную

банду согнали в большой зал, построили. Медик начал задавать каждому несколько обычных вопросов:

— Как зовут? Профессия? Где родился?

Все покорно отвечали — трудно противиться со свареным вкрутую мозгом. Я и сам пребывал в каком-то тумане. Стирание было гениальным изобретением человечества, по крайней мере, меня так учили в интернате. Оно избавило человечество от тюрем и неблагонадежных элементов. Как сделать из преступника достойного члена общества, вдобавок полезного? Такого, который больше никогда не оступится? Конечно же уничтожить ему личность, но не всю — профессиональные навыки и положительные стороны характера следовало оставить. Добавляем небольшое психодирование и получаем добродушнейшее существо, которое всегда ставило общественные интересы выше собственных желаний. Они просто не способны были навредить другим и трудились как пчелки.

К тому же они пользовались популярностью среди женского населения — таких подкаблучников было еще поискать, — а дети у них были абсолютно нормальными. Многие бизнес-леди сразу после процедуры покупали себе молодых красивых мужчин и парней, причем на абсолютно законных основаниях. Таким образом государство возмещало затраты. Все были счастливы, включая самих новоявленных верных семьянинов. Остальных сортировали по профессиям и отправляли работать на любое предприятие или фирму, приславших заявку и гарантировавших работникам прожиточный минимум. С женщинами было намного строже: захотел такую — будь любезен доказать свою благонадежность. Вдовцы и холостяки с неприятными чертами характера за ними в очередь стояли. Кто другой их причуды терпеть будет? Детей стиранию не подвергали вообще.

Ну да ладно. Медик не просто так вдоль строя прогуливался. Тем, кто что-то помнил о своей прошлой жизни, он лепил наклейку на грудь. После того как набралось несколько человек, их увели охранники. Понятно куда и зачем. Когда он дошел до меня, я сумел собраться и соврать ему,

при этом не очень-то сильно отклонившись от правды. У меня в голове была сплошная путаница: какие-то отдельные клочки воспоминаний и событий, своего имени действительно не помнил, как и имен и лиц других людей. За то небольшое, что осталось, цеплялся с отчаянием утопающего. Пусть мне казалось, что это все происходило давно и не со мной, — я знал, что это последние частички прежнего меня. Я не хочу умирать! Какая разница, что произойдет в дальнейшем с моим телом, если меня больше не будет? Поэтому я притворялся абсолютно послушной куклой и лгал, врал неумело и отчаянно.

Медик не поверил. Сверился с показаниями прибора и подозвал к себе начальника охраны.

— Этот помнит. Похоже, у нас появится еще один подметальщик улиц низшей категории.

— Тебе заняться нечем? — хмуро спросил начальник. — Делай что нужно.

— Ты премию получить хочешь? Ты его профессию посмотри. — Медик протянул планшет.

— Бессмыслица какая-то. Агент-пограничник. Что за специальность такая? И при чем здесь премия? Мы ее так и так получим.

— Обычную — безусловно. А вот та, что исследовательский отдел предлагает, мимо нас пролетит. У нас одного пилота в запрошенной группе не хватает. У него дополнительные специальности — пилот и техник, пусть и невысокого ранга. Согласно данным в сети его к разведке на диких планетах готовили: внедрение, ассимиляция и прочий маразм. Наши шефы очередной фокус выкинули — зачем им пограничники, когда любой эскадре такая планета на один зубок?

— Предлагаешь отдать в нынешнем состоянии? Сам знаешь — если он память хотя бы частично сохранил, это опасно. И нарушение нехилое. За такие шуточки нас самих в строй поставят.

— Не бойся, я справки навел. Набирают отряд пилотов-смертников, из пяти сотен вернулся только один. По-

мнишь, как яйцеголовые треть нашей галактики отхватили, да и в остальных частях, куда ни ткни, везде «дикие» человеческие планеты?

— Смутно, кто же эту древность изучать будет? Черные дыры, прокол пространства-времени. Клонирование. Корабли поколений.

— Именно! Но один факт малоизвестен — они и в галактику Андромеды корабли-сеятели посылали. Немного, всего пару сотен, но все же. Такого натворили, что мы до сегодняшнего дня объединение завершить не можем и со всеми ксеносами на ножах. Когда технологии Древних нашли, тогдашние бонзы чуть ли не богами себя вообразили. Как же — Великое Бремя Человечества! Только вот других спросить забыли — потому-то на границах до сих пор неспокойно: что ни год, то война. Диким все равно кого грабить — ксеносов или нас, поэтому обе стороны их и вооружают.

— И что с того? Над нами не каплет.

— Это пока. Ходят смутные слухи о человеческих королевствах в рукаве Персея. Они там всех режут под корень и в жертву своим богам приносят. Хорошо, что особо мощного оружия им не дали, хоть на это ума хватило. Дикари захватывают ученых, те им корабли сотнями штампуют. Прикинь, что будет, когда орда до наших границ доберется?

— Отобьемся, не в первый раз. Ты лучше про премию расскажи.

— Решили проверить, как дела в Андромеде обстоят. Закрепились там наши или нет? Это какую же поддержку можно даром получить! Но технологию прыжка потеряли во время Великой войны. Восстанавливают понемногу. Пуляют смертниками почем зря. Предполагают, что искины во время прокола из строя выходят, без пилота никак не обойтись. Один же сумел вернуться. Ведут набор, оплата по высшей категории.

— Почему нормальных военных не пошлют?

— Да кто же им даст? Ладно бы военная операция, без которой все пойдет насмарку, хочешь — не хочешь, солдатиков необходимо на смерть посылать. А тут они зря погиб-

нут. Возможно, положительного результата никто и не увидит. За такое на счет «раз» с мнемокодером познакомишься. Если добровольцы и были, то ни один назад не прилетел, как и корабли-автоматы.

— Чего ты при нем разболтался?

— Он ведь тоже молчать будет и на все согласится. Правда? — Медик поглядел на меня.

— Да, — прошептал я. — Буду молчать.

— Вот видишь! Наша бригада с премией, а парень надежду получит. Мы же с тобой гуманисты! — Медик довольно мерзко хихикнул, вслед за тем обратился ко мне, указав направление рукой: — Ступай вон к той группе, через два часа отправка.

Вот так я и стал расходным материалом, стоял и ждал своей очереди. Торчал на этой станции уже месяц. Обращались с нами неплохо — да и чего нас, пустоголовых, бояться? Кроме меня, конечно: была бы возможность — я зубами себе свободу выгрыз бы, но удачного случая как-то все не подворачивалось. Воспоминания в голове частично восстановились и пришли в относительный порядок. Странно было припоминать, например, какой-нибудь разговор в подробностях, но вместо лиц собеседников видеть только смутные пятна и напрасно терзать память в безуспешной попытке отыскать их имена. Вот такие пироги с котьятами. Пробелы буквально поселились в моей голове. Но и тому, что было, я радовался как ребенок. С каждым прошедшим днем чувствовал себя все лучше и лучше, надеялся на скорую отpravку хоть к черту на кулички, боялся проколоться на ровном месте.

Охраны было немного, впрочем, как и нас, они категорически не хотели запоминать наши номера: длинно и неудобно произносить. Всем дали клички. Меня называли Шустрым, потому что при объявлении очередного прыжка буквально на коленях ползал, умоляя послать меня послужить человечеству. Остальные поступали так же, но я всех опережал. Что есть, то есть.

Я этому человечеству за все хотел благодарность с занесением в репу и грудную клетку выписать. Желательно ногами и тупым ножиком. За то, что жил на свалке. За свое сиротство с пятилетнего возраста. За то, что, когда меня поймали во время облавы и определили в специнтернат, я с бандой таких же отморозков каждый день за кусок хлеба дрался. За мое принудительное определение в воинское училище, где моей верной шайки уже не было и я жил как волк-одиночка, в каждый момент ожидая удара в спину. За бесчисленные переломы и порезы, за отгрызенную мной же самому себе правую кисть, которую в расщелине ствола защемило, когда меня голого в джунглях на две недели кинули. И за дикую боль, когда ее в регенераторе в ускоренном режиме десять дней отращивали. Я честно признаюсь — люблю человечество до зубовного скрежета!

«Ах, какой солдат растет!» — восклицало мое начальство, придумывая, как меня лучше прикончить. «Ты нарвался!» — слышал я каждый день в казарме во время очередной «темной». Я быстро отучил остальных курсантов нападать на меня поодиночке. Если бы не недремлющее око камер, меня бы искалечили в первую неделю. Для этих чистеньких мальчиков и девочек я оставался отбросом со свалки. Сам бы себя убил, но у меня был единственный друг, имени которого так и не смог вспомнить. Мой наставник по боевой подготовке, мастер-выживальщик. Не знаю, по какой причине он обратил внимание на забитого мальчишку, но я был принят под его крылышко. Немногословный мужик неопределенного возраста, самой что ни на есть непримечательной внешности. Он за меня не заступался — нет, он учил меня убивать и выживать. Наверное, более благодарного ученика у него за всю жизнь не было. Он же посоветовал мне повысить успеваемость, я послушался и серьезно взялся за учебу. За что и был соответственно вознагражден. Через полгода учитель пристроил меня помощником техника, и я переселился из казармы в маленькую кладовку при центральном искине станции. Это тоже помогло мне выжить.

Я старался не задерживаться в училище ни одной лишней минуты.

Вся моя жизнь совместно с человечеством как-то не складывалась. Тысячу раз себя спрашивал: почему мне так не везет? Другие нормально и без проблем живут... Но ответа не находил. Военная машина вцепилась в меня мертвой хваткой и не желала отпускать. Однажды я спросил об этом учителя. В ответ он осведомился:

— Что ты знаешь о человечестве и военных в частности?

Я немного подумал и сказал:

— Наверное, ничего. Кроме свалки, интерната и училища я больше нигде не бывал. Тому, что показывают в сети, не верю.

— И правильно делаешь. Оставим человечество в покое и поговорим о военных. Настоящих, а не тех, которых ты видишь каждый день, — они просто мясо, которое само об этом не знает. Воины — давно уже отдельная каста, половина из нас киборги.

Учитель сжал кулак, и из костяшек выскочили лезвия.

— Это так, просто игрушка. Настоящих изменений в моем организме запросто не покажешь. Если захочу, уничтожу население этой станции за час голыми руками. Взорву ее и удеру. Веришь?

— Да, — твердо ответил я.

— Кроме нас, человечеством правит каста Умников — те еще нелюди, как морально, так и внешне. Тела младенцев и головы в метр диаметром. Наши дети наследуют своим отцам. Но нужна свежая кровь — тогда присматривают таких кандидатов, как ты. Сумеешь выжить — станешь одним из нас.

— А если я не хочу?

— Тебе не оставят выбора, как не давали его раньше. Сбежать ты не сможешь. — Учитель щелкнул ногтем по моему следящему браслету.

— Ты присматриваешь за мной?

— Нет. Я давно отошел от дел. Сумел отпроситься на вольные хлеба — мне разрешили за прошлые заслуги. Твою

жизнь делает невыносимой куратор этого сектора, кто-то из Умников. Решил, что в тебе есть потенциал Воина. Они, знаешь ли, очень редко ошибаются. В каждой казарме стоят ментоизлучатели, поддерживают в мясе боевой дух, заодно и ненависть к тебе внушается. Понятно?

— Да. Разве не опасно для тебя мне такое рассказывать?

— Он ничего мне не сделает. Прекрасно знает, что я и его прикончу, если захочу. Другие Воины мне мешать не станут. Мы с ними сотрудничаем, но периодически, когда они нюх теряют, головы им откручиваем. Такой вот у нас получается взаимовыгодный симбиоз на крови.

— Странно как-то.

— Нормально: они думают, мы защищаем. Яйцеголовые ученые предки нас для этого и вывели. Тебе твоя жизнь адом кажется, но настоящий ад — там, за границами нашего государства. Для тех мягоньких людей, которыми мы управляем, все кажется простым и понятным, но это не так. Мы уже со счета сбились, сколько раз были на грани уничтожения.

— Мне-то что делать?

— То же, что и раньше, — учись и выживай. Умник не отстанет, пока из тебя зверя из нержавеющей стали не отошьет или пока сам не помрешь. И переиграть его не сумеешь, потому что он Умник, а ты даже не Воин. Возможно, лет через тридцать ты им станешь, потерпеть придется. Даже то, что ты теперь в общих чертах знаешь, как дела обстоят, тебе не поможет. Продолжай бороться — это твой единственный шанс. Иди, у меня скоро урок.

В первый раз, вспомнив этот разговор, я чуть было на охрану не бросился, с трудом сумел взять себя в руки. Получается, что и здесь я по воле Умника оказался? Вот незадача! Надеюсь, что в другой галактике им меня не достать, а там ищи свищи с попутным ветром. Лишь бы только на молекулы при прыжке не раскидало.

Репродуктор объявил:

— Шустрый, бегом в кабинет, живо!

Я молчком и быстро исполнил команду, оправдывая свое прозвище.

ГЛАВА 2

Протиснувшись в двери боком, я обнаружил собрание ученых светил станции. Председательствовал академик, он первым делом поинтересовался у меня:

— Готов пожертвовать жизнью для человечества?

Я выразил полный восторг, повизгивая от верноподданных чувств. Жалел, что у меня нет хвоста, — я бы им повилял.

— Итак, коллеги, нашу программу закрывают: слишком дорого мы казначейству обходимся, а результата в обозримом будущем не предвидится.

Раздались возмущенные выкрики. Академик продолжил:

— Я тут с нашими инженерами подумал, как эту ситуацию переломить в нашу пользу. Времени у нас было мало, но мы сумели воплотить свою идею в металле. — Он указал на экран.

Там был изображен корабль необычного вида — крестообразный, с капелькой пилотской кабины на одном из концов.

— Вот! — с гордостью произнес садист от науки. — Одно-разовый, дешевый, как духи подружки моего внука, модуль. Закидываем его в определенную точку, кабина отделяется и приземляется на планету. Двигатели только для торможения. Экономим на всем, оставляем корпус с необходимым минимумом. Самое дорогое устройство — нуль-передатчик.

— А как мы узнаем, есть ли там пригодная для жизни планета? — спросил один из ученых. — Мы приблизительно представляем сектор, куда предки направляли корабли, больше информации нет.

— Правильный вопрос, коллега, но для этого существуют архивы. Я обратился кое к кому из старых знакомых и получил результаты разведки около ста систем. Неизвестно, сколько они там еще нароют. Корабли-сеятели, обнаружив планету, пригодную для колонизации, автоматически сбрасывали ее координаты. Некоторые пакеты ретрансляторы

сумели уловить. Искать старые записи — дело нудное и неблагодарное, но для нас крайне полезное. Предлагаю вынести на рассмотрение совета новую программу. Чтобы продвинуть ее дальше в правительство, нам нужен хотя бы единственный положительный результат. Наш молодой герой, — профессор кивнул на меня, — десантируется и оценит уровень цивилизации. Передатчик тоже одноразовый, но очень мощный, фактически после того, как он его включит, произойдет ядерный взрыв, вся энергия пойдет на усиление сигнала.

— Но разве это допустимо? — спросил кто-то из задних рядов. — Радиационная катастрофа на обитаемой, населенной планете?

— Если там есть развитая цивилизация, они и без взрыва обойдутся, энергопровод на этот случай предусмотрен. Дикарей не жалко: умрет несколько сотен тысяч от лучевой болезни — ну и что? Все равно для нашей цели они непригодны, в предстоящей войне помочь не смогут. Все согласны?

— Да! Поддерживаем!

— Для первого запуска мы выбрали этого юношу, как самого приспособленного. У него больше всего шансов передать нам информацию — все же бывший военный. Остальные — гражданские пилоты.

— А если он не захочет себя взрывать?

— Кто не захочет?! Стертый? — возмутился академик.

Затем он повернулся ко мне и спросил:

— Взорвешь ради блага человечества?

— Ага! — радостно ощерился я, пустив для пушего эффекта слюнку на подбородок.

— Вот видите, коллеги, побольше бы нам такой молодежи — и мы о проблеме ксеносов давно забыли бы!

Меня выгнали из кабинета. Я тупо застыл посреди коридора, стоял до тех пор, пока меня один из охранников в мою каморку не отправил. Он же выдал мне планшет и велел изучить инструкцию по самоуничтожению. Там не только это было написано, но и куча рекомендаций по оценке уровня цивилизации. Те, кто хотя бы в ближний космос не

вышли, ученых не интересовали. Да и устаревшие на десяток тысячелетий данные о климате и животном мире тоже лишними не будут. Сначала я не понял, что не так с оценкой развития, но потом догадался: на диких планетах обычно существует множество государств аборигенов. Одни в космос летают, другие коз пасут, и это еще в лучшем случае. Многие мечтают о бифштексе из соседа.

Проблем с восприятием знаний у меня совсем не было, мозг после чистки был как у младенца, впитывал как губка. Я запоминал все с первого раза. Так как времени до старта оставалось порядочно, взломал станционный искин. Не совсем так, конечно, просто они были одного производителя. Паролей сервисного обслуживания никто поменять не догадался. Зашел в базу ученых и хорошенько там покопался, читал все, что можно и что нельзя тоже. Налегал в основном на знания о неразвитых цивилизациях и их технологиях. Пригодится.

Если попаду к разумному виду, стоящему на более высокой ступени развития, — они, скорее всего, сигнала вызова посылать не станут. Меня просто разберут на части. Как же — инопланетный монстр! И не суть важно, что твоя ДНК на сто процентов совпадает с ДНК визитера. Люди — они все такие, любят поймать кого-либо и посмотреть, что у него внутри. Под тонким налетом цивилизованности сидит обыкновенная обезьяна, которая в любой момент готова вырваться на свободу и показать себя во всей красе. Мой жизненный опыт просто кричал об этом. Обычно самые умные оказываются внизу социальной пирамиды. В стае ум не нужен, а вот крепкие зубы и кулаки не помешают. На крайний случай — толстый кошелек и хитрость. Да и черт с ними, мне бы только на свободу вырваться, устроюсь как-нибудь. На дикой планете прожить можно и в незаселенной местности: было бы что поесть — остальное приложится. Строить планы пока рановато. Поэтому тупо просматривал страницы, запоминая и не пытаясь вникнуть в смысл текста. Метод быстрого сохранения в кратковременной памяти: читаем и повторяем про себя три раза. Обыч-

ный человек, таким образом, информацию на короткое время запоминает, я же просто впечатывал знания в свой мозг-промокашку.

К утру за мной пришли и отвели на летную палубу. Сохраняя бездумное выражение лица, я наблюдал, как пьяные техники зачищают кабину от всего полезного. Раз мне все равно помирать, то зачем скафандр, оружие и аварийный набор выживания, еда тоже ни к чему, а им закусывать нечем. Так сказал мне один из предприимчивых алкоголиков, обдавая меня запахом ядерного перегара. В другой ситуации ему было бы не до этого: он был бы очень занят, собирая свои зубы с пола. Пришлось промолчать, как это ни печально.

В итоге гордый покоритель соседней галактики отправился в путь во славу человеческой расы в одних рваных шортах, которыми его снабдила добрая душа. Комбинезон, оказывается, тоже был не нужен. Любовь к людям во мне достигла наивысшей точки. Я даже был рад, что сел в кабину, — еще немного, и у меня бы точно крышу сорвало. Манипулятор выкинул мой кораблик наружу, модуль взял на буксир «Разгонщик».

Этот скоростной корабль должен был отправить меня в сторону черной дыры. Зацепив по краешку горизонт событий, где законы физики теряли свое значение, мой модуль прорывал ткань мироздания и вновь мгновенно появлялся в заданной точке в другой галактике. Удачливый пилот смог вернуться потому, что проделал подобный трюк и там. Повезло — после того как сгорел искин, он до момента истощения энергии наткнулся на черную дыру местного разлива. Мне такое в любом случае не грозило, так как прыжкового движка и тем более искина у меня не было. Тормозные двигатели не в счет.

На бумаге все выглядело гладко, но горизонт событий обошелся со мной весьма неласково. Да еще как! Меня растянуло вместе с модулем метра этак на три-четыре. Не так, как вытягиваешься, повиснув на турнике, — межатомное расстояние увеличилось. Гигантское притяжение черной

дыры сыграло со мной злую шутку. Хуже всего было то, что я все прекрасно понимал и чувствовал себя как муха в янтаре. Прошу заметить — очень, очень длинная муха. Ослепительный синий свет, бывший мне в глаза сквозь крепко стиснутые веки, тоже радости не добавлял. Тороплюсь отметить — очень, очень короткий свет. Отсутствие законов пространства и времени — замечательная штука! Для тех, кто не попробовал этого удовольствия на себе.

Дальше началось веселье: меня растянуло до бесконечности, потом сжало в маленькую точку. Чему я безмерно обрадовался, так как мое тело и было этой самой точкой. Попытался сориентироваться по рисункам созвездий, намертво вбитых в мою память, но ничего знакомого не увидел. До сих пор не знаю — то ли ученые перемудрили, то ли «Разгонщик» перестарался, но я попал неизвестно куда. Затем свел близкое знакомство с «хвостом» планеты. Обычно планеты, где живут люди, имеют сильное магнитное поле, которое не только защищает поверхность от радиации светила, но и удерживает атмосферу. Планеты теряют очень мало молекул газа, но это происходит. С пышным шлейфом кометы такое явление даже рядом не стояло — так, редкое облачко газа. Если, конечно, не врезаться в него на космической скорости. В этом случае эффект такой же, как будто въезжаешь на автомобиле в кирпичную стену. Ремни вырвало из креплений, я поцеловал пластик блистера. Мой модуль слепили из того, что было, поэтому данный факт меня не удивил. Обычно шея в таких случаях ломается, прежде чем рвутся ремни. Включил тормозные движки, с облегчением вздохнул, когда они заработали.

Поживу еще немного! Кое-как стабилизировав модуль, рассмотрел планету. Три материка и две маленьких луны. К тому же она, если можно так выразиться, лежала на боку. Угол наклона оси у нее равнялся девяноста градусам. О чем это мне говорит? Да о том, что на ней времен года нет. В каждом климатическом поясе одна и та же погода: либо круглый год лето на экваторе, либо вечная зима на полюсах. Пораскинув извилинами, решил приземлиться на самый

большой материк поближе к океану. Во-первых, там прокормиться проще, во-вторых, люди любят воду. Выбрал пояс субтропиков: дождей немного больше, ползучих гадов поменьше, к тому же я всегда весну любил. Вечная весна — это здорово! Все цветет и пахнет! Наметил круг диаметром в пару сотен километров и направил модуль туда. Без искина точнее не прицелиться. Хорошо, что в космосе летаешь не так, как в атмосфере, тут и тормозных движков для смены курса хватает, если, конечно, у тебя приличный запас скорости есть. Хвост мне скорость заметно поубавил, но не так чтобы.

Гордым соколом я совершил пару витков вокруг планеты, высматривая свет городов на ночной стороне, но ничего не увидел. Да и шут с ними, не до того мне. Отстыковался от модуля примерно там, где хотел, и ринулся вниз. На всякий случай закрыл глаза — может быть, и трусливо, но от меня больше ничего не зависело. Смотреть в глаза смерти, когда ты совсем бессилён, последнее занятие. Смысл? Одно сплошное расстройство! К тому же я и без зрения получал полный набор ощущений, пришлось заткнуть уши. Помогло мало: кости продолжали вибрировать вместе с кабиной пилота.

Так и кувыркался энное количество минут, показавшееся мне вечностью. Надеюсь, ученые помрут в муках в такой же отвратительной ситуации. Тут меня прижало огромной перегрузкой, и я отключился. Пришел в себя от тишины. Благодать! Так тихо, что слышно, как кровь пульсирует в жилах. Осторожно открыл глаза и огляделся. Судя по всему, кабина утонула в каком-то водоеме, веселенькие солнечные лучики пробивались сквозь толщу воды. Было неглубоко — метров пять, не больше.

«Водичка-то прохладная!» — констатировал я.

Вот черт! На дно кабины уже натекла маленькая лужица: кабина дала течь. Мама, роди меня обратно — только этого мне не хватало! Набрал воздуха в грудь и рванул рычаг отстрела блистера. Сработали пиропатроны, я вылетел на по-

верхность как пробка из бутылки. Небольшое озеро, до берега метров пятнадцать, расстояние небольшое.

Выбрался на берег в густом лесу. Что интересно, половина растений была с Земли-прародины, зелененькие такие, а вот вторая половина вообще ни на что раньше мной видимое не походила. Синеватого оттенка, колючая и противная. Попахивает весьма подозрительно. Похоже на то, что я вижу весьма редкий случай ассимиляции. Корабли-сеятели всегда перед пробуждением пассажиров терраформирование проводили, местные растения и живность, включая разумных, полностью зачищали. Если, конечно, население ответной плюхи не запускало. Тогда Сеятели отступали на заранее выбранные позиции, спрямляли линию фронта и перебазировались в соседнюю систему. Там все повторялось по новому кругу. До тех пор, пока маленьких и слабых не находили, которые сдачи дать не могли. Человечество рулит!

Стянув шорты, выжал воду и опять надел — быстрее высохнут. Здесь я и познакомился с аборигенами. Из кустов выскочил голый мужик, натертый красной краской, он попытался проткнуть меня копьем. Перехватил древко и потянул его на себя. Туземец конечно же его не выпустил и дернул копье всей массой своего тела к себе. Этого-то я и добивался. В нужный миг просто отпустил древко. Дикарь, не ожидавший от меня такой подлости, шлепнулся на спину. Думал, что я за оружие сражаться буду, — обычное заблуждение вооруженного человека. Зачем мне эта палка, если удар пяткой в лоб работает не хуже? Как только я вознамерился подобрать копье, мимо пролетели две стрелы. Стало не до размышлений, пришлось бежать в глубь лесной чащи.

Неизвестно где. Неизвестно когда. Судя по всему, утро

Проснулся от холода и голода — привычное для меня состояние. Вокруг стоял густой туман, поверхность каменной плиты покрылась росой. Похлебал водички из реки, умылся и сделал короткую разминку. Погонял кровь в мышцах:

тело нужно держать в тонусе. Надеюсь, что от микробов не заболею: куча прививок, которую вогнали в меня в течение месяца, теоретически должна помочь. Без воды все равно не обойтись, так что выбор небольшой. Походил туда-сюда и нашел дыру в скале — вход в небольшой грот. В темноту лезть не стал — кто знает, что там? Расщелина или какой-нибудь опасный зверь? Дождался рассвета, подобрал стрелу и по-тихому пробрался внутрь.

Нормально! Могила, чтоб ее! Везет мне на покойников! На валуне, густо обмазанная смолой, сидела мумия, она смотрела на реку и соответственно на меня пустыми глазами. У ее ног лежала кучка того, что некогда было небольшой корзиной. И что там? Грабить покойников мне раньше не приходилось, но надо же с чего-то начинать! Почему не с расхищения гробниц? Кто сказал, что нельзя? Почему-то во всех интересных приключенческих фильмах в галонете склепы на раз-два грабят все кому не лень, и чихать они хотели на уголовную ответственность! Зрители воздвигают их на пьедестал и шалеют от одного вида главных героев. Я тоже хочу стать идолом сценического искусства! С решительным видом раскидал кучку ногой. М-да... кумиром мне не бывать. Пять каменных лезвий, и ничего больше. Где изумруды, алмазы и золото с серебром? Нищий труп мне попался!

Грот осветило лучом света: солнышко полностью вышло из-за горизонта. Осмотрел стены: если аборигены сюда на лодках приплывали, то дело плохо, на скалы без риска получить травму мне не взобраться. Нашел выход — вторая дыра куда-то вела. Отлично! С интересом рассмотрел стены, испещренные рисунками охоты, бытовой жизнью и, гм... порнографией. Если вы никогда не видели мужского достоинства больше самого мужика, на котором в свою очередь сидят пять женщин, то вы ничего не видели. И женщины очень, гм... почтенно выглядели. Я как без пяти минут кандидат археологических наук вам говорю! Раскопки провел? Значит, кандидат!

Ладно, не будем смеяться. Настроение себе немного поднял — и хватит. Дело прежде всего! Присмотревшись к мумии внимательней, увидел у нее на поясе небольшой кошель. Срезал его лезвием и нашел огниво: кусок кремня и что-то похожее на железный колчедан. Не геолог я ни разу. Искру получил стабильную — и то хорошо. Трут сгнил и превратился в пыль. Немного поколебавшись, отрезал у трупа просмоленную метровую косу. Возможно, это была женщина. Решил, что больше мне здесь делать нечего, прихватил найденные вещи и полез по узкому проходу наружу.

Первым делом пошел в подлесок: необходимо изготовить хоть какое-нибудь оружие. Нарезал прутьев разной толщины — как сухих, так и зеленых. Срезал подходящее засохшее деревце: будет копьем. Надрал коры и сухой травы. Собрал валежник на дрова. Нашел какие-то пушистые комки, похожие на тополиный пух. Устроился на маленькой полянке и сложил из хвороста шалашик. Потер кору между ладонями, добывая сухие волокна, смешал их с былинками травы и пуха, свернул в жгут. Полчаса мучений и две ссадины — костер горит! Похвалил себя за небывалый успех в деле возвращения к первобытному состоянию и взялся за изготовление копья. При этом занятии самое главное — не торопиться, лезвия очень хрупкие. Потихоньку-полегоньку ободрал кору и сделал на толстом конце будущего древка прорезь под самое большое лезвие. Аккуратно разогрел косу над огнем, когда смола размягчилась, полностью расплел ее. Перепачкался, ну да это ерунда.

Вставил самый большой наконечник в выемку, крепко примотал волосами. Не забыл добавить в смолу немного пепла: полное соответствие с древней технологией. Застынет — без огня не отдерешь. Также сделал нож, рукоять вырезал из палочки. Приступил к самому трудному — изготовлению лука. Без хорошо выдержанного в течение нескольких лет дерева, кажется, сделать его невозможно, но я знал один способ. Главное — правильно подобрать прутья. Стягиваем их в тонкий пучок волосами — не всю поверхность, а примерно через пять сантиметров. Обмотку делаем не ту-

гую, но и не слабую, она не должна мешать изгибанию тела лука. Очень тщательно выбираем центральный прут: на нем все держится, он должен быть в меру упругим и гибким. На концах прорезаем выемки под тетиву. Для такого случая пожертвовал резинки от шортов — пояс достаточно широкий, и их там было вшито две штуки. Заменяю завязками из волос, не спадают — да и ладно. Связал резинки между собой, на концах сделал петли. Изогнул лук, надел тетиву и дернул за нее пальцами, она загудела. Попробовал натяжение — норма. Долго это косорукое изделие не протянет, но на безрыбье и рак рыба. Итак, нож, копье и лук с одной стрелой. Пора идти на охоту. Берегитесь, неразумные зверушки: Шустрый вышел на тропу войны!

Приободрившись, пошлепал вдоль скал — рано или поздно они кончатся, и я найду водопой. Первое дело для устройства засады. Из моего лука дальше десяти метров стрелять бесполезно, но на таком расстоянии он косулю навывлет пробьет. Лишь бы там хищников крупнее меня не было.

ГЛАВА 3

С водопоем мне не повезло. Скалы и лес неожиданно закончились. Вышел к дороге, которая вела к броду через маленькую речушку, впадавшую в большую реку. Отличный проселок, разбитый колесами, наверное тележными, так как уж очень узкий след они оставляли. Жалко, что водопада так и не увидел, — через скалы к нему было не подобраться. Но нужно искать людей. Дорога есть — значит, где-то тут земледельцы живут. Кочевники в прокладке дорог замечены не были, да и местность, плавно перешедшая в лесостепь, к крестьянскому труду располагала. С одной стороны, это хорошо, но с другой — не очень. Там, где крестьяне водятся, обязательно появятся «лучшие» представители человечества, которые за девяносто процентов прибыли их «защищают».

Дорога идет вдоль речки, значит, деревня выше по течению. Пойду погляжу — как люди живут? Что с охотой выйдет, неизвестно, может быть, помогу кому за тарелочку супа. Помощники в нелегком крестьянском труде всегда нужны. Направился к дороге. Прошел по ней километра два и наткнулся на поле, огороженное плетнем. На нем росло что-то инопланетное, похожее на огромный полуметровой высоты салат. С одной стороны забор был повален, а растения сильно вытоптаны. Вот там-то я и заметил стайку обычных земных кроликов, которые мирно паслись, аппетитно хрустя зелеными листочками.

Спрятался за плетень, наложил стрелу на лук и стал к ним подкрадываться. Пока выбирался из леса, немного наловчился в стрельбе. Метров с пяти я вообще не промахивался, на такое расстояние и нужно подобраться. Ветер дул мне в лицо — они учуять меня не должны. Главное, чтобы зверьки не услышали шума. Встал на четвереньки и неторопливо двинулся вперед. Осторожно выглянул из-за последнего целого пролета. Запомнил, кто где находится. Выбрал мишенью самого большого ушастика. Успокоил дыхание, резко поднялся и спустил стрелу. Попал, подхватил копые и наугад метнул его как бумеранг. Побежал к закувыркавшемуся по земле кролику, которому древко ударило по задней лапе. Упал на него, придавил, вытащил из кармана нож и воткнул ему в бок. Вот такой я кровожадный, с голоду не только за двумя зайцами погонишься, но и зубами станешь добычу грызть.

Рот у меня наполнился слюной, но я сдержался и сырым употреблять кроликов не стал, хотя очень хотелось. Отошел в ближайшую рощицу, развел костер, благо самодельный трут носил в кармане. Пока костер прогорал в угли, ободрал тушки зверьков. Опыт в этом деле у меня имелся — все же учили меня хоть и изуверскими методами, но на славу.

Отплясывал вокруг костра, дожидаясь, пока мясо поджарится на прутиках. Не выдержал и первую партию жаркого съел, не дожидаясь полной готовности. Горячее сырым не бывает! Потом ел не торопясь, наслаждаясь каждым ку-

сочком. Второго зверька жарить не стал: насадил мясо на гибкий прут и свернул его в кольцо — будет чем за ночлег расплатиться. Может быть, и на миску каши хватит. Дело у нас шло к вечеру, очень хотелось под крышей переночевать.

Пошел дальше. Ветер донес до меня запах чего-то горелого. Пожар в селении случился, что ли? Я не ошибся: от деревни остались одни головешки, стгорела она около недели назад. По крайней мере, пепелище выглядело так — явно не вчерашнее, но и не старое. Неужели сарая, даже самого плохонького, не осталось? Походил по деревне туда-сюда и на отшибе, за околицей нашел маленькую землянку, но пахло из нее так, что я передумал в ней ночевать. Рядом с землянкой стоял маленький дровяник с деревянной щепой на растопку. В нем и устроился на ночлег, накидав туда веток, сухой травы. В общем, устроился с удобством. Часа через четыре пошел дождь, но мне было все равно. Крыша сарайчика была сделана на совесть и не протекала.

Утром, неторопливо поглощая зажаренного кролика, решил задержаться в деревне. Причин этому было несколько: первая — щепки, второе — еда с огородов. Наличие щепок предполагало, что здесь есть металлические изделия. Трудно полено рубить каменным топором, проще хвороста из леса принести. Враги, которые угнали жителей и скотину, наверняка чего-то найти не смогли. Мне торопиться некуда, я не я буду, если ухоронки не обнаружу.

В самой деревне было домов тридцать. Куча дворовых строений, некоторые уцелели и неплохо сохранились. Немного упорства — и что-нибудь мне попадет. Это не сложно, я с детства сильно упертым был.

Наверное, во мне русские корни говорили. Когда в интернат попал, я о своем младенчестве, как и о родителях, ничего не помнил. Воспитательница как-то проговорила: «Русские от передозировки умерли». Ее слова я запомнил. Когда нас начали учить и я получил доступ к галонету, первым делом поинтересовался: «Кто это такие?» Так вот русские — это люди, которые на Земле-прародительнице населяли архипелаг островов под названием Россия. Про них

почти ничего не помнили. Хотя утверждали, что в земном секторе осталось несколько планет, где только они и живут. Человечество давно перестало делиться на расы и языки. Во всем виноват универсальный язык. В один прекрасный момент земные правительства договорились между собой и повсеместно его ввели. Сделали хитрый финт: старых языков не запрещали, но законодательно закрепили, что все новые фильмы, новости и прочее теперь выходили только на уника, обязательно с субтитрами.

Люди в возрасте на это внимания не обратили, все старики несколько консервативны, а молодежи деваться было некуда: хочешь — не хочешь, а выучишь. К тому же все быстро оценили его простоту и удобство. Слова очень незамысловатые и легко произносились. Уник вобрал в себя самые ходовые словечки из основных диалектов и широко распространился. Клоны, которыми заселяли новые планеты, других языков и не знали. Некоторые народы, и среди них русские, учили новый язык, но и своего не забывали. Они были очень странной нацией: по слухам, любили голые в обнимку с хищниками в снегу валяться, пили традиционный напиток — водку. Наверное, он был очень вкусным — из воды и чего-то там. Играли на однострунных музыкальных инструментах треугольной формы, с загадочным названием «автомат Калашникова». Много ли подростку было надо, чтобы причислить себя к такому замечательному народу? Поэтому когда на меня наезжала очередная шайка, на вопрос: «Ты кто такой?» — гордо выпятив впалую грудь и сжав кулаки, я отвечал: «Я русский!» — после чего обязательно добавлял одно из священных заклинаний предков, затем кидался в драку.

По тем же слухам, заклинания прибавляли русским сил во время схваток с врагом, они употребляли их к месту и не к месту, но история сохранила лишь несколько из них. Обычно упоминали черта, по неизвестной причине он не был русскому народу братом. Фигурировала и мать Кузмы, которую почему-то постоянно всем показывали. Смысл этих выражений остался для меня покрыт мраком. Чувствуя себя

продолжателем славных дел предков, я старательно выучил слова наизусть и очень гордился чистейшим выговором. Мне помогало: после того как я их произносил, страх у меня абсолютно пропадал. Предки умными были, зря упоминать матерей и прочих существ не стали бы.

Выплюнув последнюю косточку, запалил лучину, дыша исключительно ртом, полез в землянку. Причина отвратительного запаха нашлась быстро: на печи стоял горшок с каким-то скисшим варевом, я вытащил его наружу. Вылил жижу в сторонке и оставил посудину у дровяника — пригодится, после того как отмою. В землянке оставил открытой дверь и отверстие в крыше для дыма, там всего-то нужно было дощечку отодвинуть. К вечеру должно проветриться.

Прошелся по деревне, заглядывая во все углы, на первый раз особо не старался — прикидывал, что и как. Пытался догадаться — где бы я на месте хозяев тайник сделал? Но и так нашел ржавое, сточенное лезвие от ножа, оно было заткнуто в сарае за стропило. Видно, рачительный хозяин хотел отдать его на перековку, но забыл или не успел. От души порадовался находке, подточил ее о камушек, обвязал один из концов клочком ткани, найденным там же, — маленький ножик готов! Каменные лезвия тут же выбросил — зачем они мне теперь?

Стал обходить поселение по спирали. На опушке рощи наткнулся на два раздутых трупа. Они были полностью раздеты. Мне стало интересно — куда они бежали? Походил по лесу и нашел маленький схрон, но я не один такой умный был, его тоже разграбили. Единственно — подобрал пробитую флягу, сделанную из маленькой тыквы, — замажу дырку смолой, и все дела! Навестил огороды, надергал немного каких-то корнеплодов. Похоже, они тоже из местной флоры, отрезал ножом кусочек и попробовал — сладковатые и вкусные. Здесь много чего посажено было, но в основном все неспелое. За часок объел какой-то куст: уж очень ягодки мне понравились. Жить можно!

Взялся за дело всерьез. Поочередно и методично стал обшаривать подворья, все места, которые прежде мне показав-

лись подходящими для устройства тайников, раскапывал палкой. Лазил в подполья, не обращая внимания на то, что весь перемазался в золе. Проверил три колодца: два были отравлены, в них плавали трупы, один был нетронут.

Вечером, сидя у костра, с удовольствием рассматривал свою добычу: деревянное ведро, веревку с металлическим крюком, шесть огромных гвоздей, небольшой сверток узорчатой ткани. Молоток с каменным бойком, прочные шнурки, непонятно из чего свитые, годные на тетиву. Нитки, большую иглу. Глиняные кружки и ложки, походный медный котелок. Выделанную шкуру. Пять медных же треугольников с закругленными концами, испещренных растительным орнаментом. И самая ценная находка — полностью металлический боевой молот или секира: больно он на крохотную алебарду смахивал. Витая рукоять длиной сантиметров сорок, место хвата руки обтянуто шершавой кожей. Навершие в виде обоюдоострого лезвия, с одной стороны — полукруглое лезвие секиры, с хитрыми прорезями для ломки клинков, с другой — молот, из которого торчит четырехсантиметровый шип — доспехи пробивать. Очень удобно, обычно клевец в пластинах застрекает, а тут не дает боек молота, украшенный трехгранными пирамидками. На лезвии была выгравирована надпись на унике: «Кусака».

Наверное, в деревне ветеран какой-нибудь жил, он им так дорожил, что от всех прятал. В расплавленный жир обмакнул, завернул в промасленную кожу, положил в ящик и в углу сарая на полметра закопал. Сам не знаю, чем этот угол мое внимание привлек. Скорее всего — чистотой: пол сарая донельзя загажен, а там ровное, гладкое место, да еще и свежими опилками посыпано. Перестарался старый воин с заботой о верном оружии. Надо было сверху ведро помоев вылить, тогда никто не догадался бы.

В том же ящике, смазанный маслом, лежал широкий, без всяких прикрас, пояс, к нему намертво было пришито что-то вроде чехла для топора, полностью его скрывавшего, и поясная сумочка. Чехол имел секрет в виде вытяжного ремешка с колечком, тянешь за него — и Кусака наполовину

высовывается. По-моему, не очень продуманная система с кучей недостатков. Топор лучше носить на плече или за поясом, иначе можешь не успеть его выхватить. Единственное, что может оправдать такое, — необходимость постоянных разъездов и отвратительные погодные условия. Как оружие от влаги ни береги, оно рано или поздно все равно в грязь упадет. А может, он моряк был? Тогда это имеет хоть какой-то смысл. Или я чего-то не понимаю? Взялся за чехол всерьез. Это что у нас за уплотнение? Крючочек здесь зачем? Я с трудом оттянул его по прорези вниз, он лязгнул, вернувшись на место. Значит, тянем за ремешок, по ходу руки зацепляем крючок — внутри что-то щелкнуло, чехол несильно дернулся. Прыгающий топор? Я надел пояс и зарядил его. Вставил в чехол Кусаку и повторил процедуру. Щелк! Топор вылетел из чехла и чуть было наверху не проткнул мне плечо. Пока освою, калекой запросто останусь!

Что-то я неправильно делаю. Задумался — а если так? Немного сместил положение чехла и пристроил руку чуть-чуть в другом положении. Щелк! Топорище скользнуло по ладони, и она уткнулась в упор. Выдал Кусакой серию ударов. Все равно ерунда получается! С этой штукой жить с детства нужно. Есть с ней и спать! Смысл-то не в почти мгновенном извлечении топора, а в последующем ударе. Не хочется мне тратить годы жизни на отработку единственного приема. Ладно, потаскаю пока так, как прежним хозяином задумано. Найду людей — попробую узнать, для чего это извращение нужно.

Целую неделю провел, нежась на солнышке и ночуя в землянке. Добыл еще двух кроликов, прежде чем пушистики просекли, что их здесь едят, и перестали появляться. Питался тем, что находил в огородах. Салат оказался калорийной штукой, я его в качестве припаса в дорогу насушил. И похлебку в горшке сварил: во всех видах он был очень даже ничего. Местные им не зря все поле засадили. Постоянно учился выхватывать топор из всех положений, вроде что-то стало получаться.

В общем, я по примеру кроликов пасся на огороде, когда увидел, что к ограде подъезжает «чудо в перьях». Причем в перьях в буквальном смысле слова. На огромной птице сидел парень примерно моего возраста, то есть лет шестнадцать. Он был одет в легкий кожаный доспех и держал в руках длинную пику. Надменный отрок поманил меня пальчиком. Я гордыни проявлять не стал и перелез через плетень на дорогу, хотя постарался сделать это на некотором расстоянии от наездника. Парень разразился короткой речью, которую я понял с пятого на десятое. Перевел ее примерно так: «Я благородный рыцарь с Кудыкиной горки, сверхчеловек с голубой кровью, а тут мне какая-то чернь не кланяется. Целуй сапог!»

Про сапог я понял дословно. Быстро огляделся. Так как вокруг больше никого не было видно, тут же всадил в птичку стрелу. Старый трюк, мне его еще учитель показывал. Держишь лук и одну стрелу в левой руке. Чуть что не так — делаешь одно слитное движение, пальцами правой руки берешь стрелу за хвостовик и накладываешь его на тетиву: натяжение, прицел, выстрел. На все про все уходит примерно секунда, с боевыми луками и на большой дистанции такие фокусы не прокатывают. Птица поймала стрелу грудью, растопырила огрызки крыльев и грохнулась на землю, сбросив седока. Пока он не очухался, я обежал бьющееся в агонии пернатое чудо и зарядил парню ногой по лицу.

Сам от себя не ожидал, что так поступлю. Скорее всего, мне даже недельный отдых не помог: как его физиономию увидел, так сразу всех «хороших» людей из своей жизни вспомнил. И слова про целованье обуви я раньше неоднократно слышал. В общем, конкретно меня переклинило. Достал нож и примерился перерезать ему горло, остановила одна мысль: почему бы этому «красавцу» со мной содержимой своей головы не поделиться? Например, где его дружки находятся? И стоит ли кого ждать в гости? Связал ему руки за спиной и полил на лицо воды из фляги. Парень очнулся и начал угрожать мне карами небесными. Нож, воткнутый в плечо, быстро убедил его в необходимости послу-

шания. Нагрузил на него лук и седельную сумку, подобрал пику, свое копьё с каменным наконечником бросил рядом с птицей. Надеюсь, дружки подумают на дикарей. Стрела-то тоже оттуда. Скомандовал:

— Пошел! — и кивнул в сторону леса.

Гнал парня часа три, на любые жалобы немедленно наносил порез ножом. Не трогал только ног, а то бежать не сможет. Решил, что достаточно оторвался, и устроил получасовой привал. Когда пленник отдышался, заставил его бежать дальше. Еще через час наткнулся на небольшую полянку и приступил к вдумчивому допросу. Для начала стянул с него штаны и сапоги, чтобы он их в процессе не испачкал. К тому же в голые ягодицы удобно ножом тыкать. Потрошил его до вечера и все утро. Ночь провел, дремля вполглаза. Когда понял, что больше мне ничего от него не добиться, свернул ему шею. Жалости к парню я не испытывал — он, оказывается, меня прихлопить хотел и в городе продать.

Свел полученную информацию воедино.

Примерно восемь тысяч лет назад к этой планете прибыл корабль-сеятель — где она находится, парень не знал. Был корабль сильно поврежден и терраформирование провел вкривь и вкось. Клоны изначально оказались в невыгодном положении, были высажены на этом материке буквально без штанов. Знаний было много, а возможностей ноль. Голь — она на выдумки хитра, и примерно за тысячу лет они сумели возродить цивилизацию до паровых двигателей. И тут с орбиты грохнулся Сеятель, прямо в центр материка, а учитывая, что он был километров так десять в диаметре и у него рванули двигатели, на планете наступил полный апокалипсис. Вдобавок проснулись вулканы. Выжившие сбегали на другие материки, но это помогло мало — от человечества осталась буквально горстка в несколько тысяч человек.

Жили они в какой-то системе пещер, разводили грибы и ловили рыбу в подземных озерах. Употребляли в пищу всякую гадость — мох и насекомых. На суше кроме растений и

небольших животных никто не выжил. В море дела обстояли намного лучше. Люди иногда делали вылазки наружу и охотились, но это было как лотерея: налетит радиоактивный ветерок — и помрешь в муках. Лет этак через пятьсот катаклизмы прекратились, и атмосфера очистилась. Народ воспрянул духом и разлетелся в разные стороны, плодиться и размножаться. Вывод сделал на основании сказок и мифов — там все звучало совсем по-другому. Кара небес и все такое. Сеятеля вообще Небесным отцом звали, видите ли, он сильно разгневался и присел в наказание прямо на неразумных чад.

Дальше было интересней: объявился родной сын Небесного отца, по прозванию Кудесник. По всем признакам, он был последним выжившим членом экипажа Сеятеля, очнулся от гибернации и начал всех благостью наделять. Почему так думаю? Да очень просто: он в железном замке по миру летал и чудеса творил. Первым делом сжег из бластера неугодных, в местной транскрипции — неугасимый огонь, нахватал себе красивых девушек и стал властвовать. Его династию, правившую пять тысяч лет, хорошо помнили и называли это время Золотым веком.

Чего там было такого хорошего, я так и не понял. Было только одно, за что Кудесника можно было похвалить: гениальная инженерия. Он всяких полезных зверей и растений вывел великое множество, например, ту птичку, на которой парень ехал. Но и монстров создавать не чурался. Любил смотреть, как они людей кушают, поголовье снижал. Само человечество застыло в эпохе средневековья — насильно, ясное дело. Где-то лет семьсот назад железный замок упал в море — то ли сломалось что-то, то ли последний наследник наркоты пережрал.

В его гибель никто не поверил, все продолжали сидеть тихо, как мышь под веником. Вдруг вернется? Но аристократы, которые не были умом обижены, на религиозные запреты внимания мало обращали и кое-где старые книги почитывали — их иногда выкапывали в развалинах. То тут, то там начало появляться примитивное огнестрельное ору-

жие: пушки, бомбарды и пищали всякие. В общем, демон войны вырвался на свободу. Образовалась куча новых королевств и одна большая Империя, которую все так и звали с большой буквы. На ее территории я как раз и находился. Все было намного сложнее, но пленник мне попался тупой, как пробка, что не так удивительно, учитывая его образ жизни.

Мелкий аристократ, его титул я перевел для себя как виконт. Когда ему было примерно семь лет, он потерял во время морового поветрия всю семью. Остался в ветхом замке вдвоем со старым слугой, ну и крестьян где-то человек восемьдесят выжило. Старик служил еще его родителям и из сил выбивался, чтобы молодого господина на ноги поставить, но не в коня корм. Заматеревший недоросль поехал в город учиться — в университет. Там он быстренько связался с плохой компанией. Наделал долгов, и его благополучно выгнали. Вернулся в деревню и начал продавать людей кредиторам. Слугу, сказавшего слово против хозяина, просто зарезал. В итоге остался гол как сокол. Ни земли, ни замка. Нашел выход из положения и завербовался в армию Империи. Туда-то он и ехал, когда на меня наткнулся. Сам он был родом из соседнего горного королевства.

Едет, значит, себе, видит сторевшую деревню и выжившего крестьянина, который травку на огороде кушает. Вид у меня еще тот. Моего лука он не испугался: такого убожества никогда раньше не видел. Да и копьецо серьезного впечатления не производило. Чем не добыча? Про дикарей он много чего порассказал. Оказывается, тут имеется огромный лес, там эти людоеды и живут. Железо у них есть, но очень мало. Только то, что в набегах сумели взять. Деревню, скорее всего, они и сожгли, часто так делали. Выковырять их никто не мог, хотя частенько пытались. Лес треть материка занимал — то-то я с орбиты видел, что земля будто зеленой краской измазана.

Ободрал труп до нитки и ушел. Наткнулся на другую полянку, построил шалаш, развел костер и задумался: «Что дальше?» Очень заманчиво было себя за этого парня вы-

дать: рост одинаковый, цвет волос и глаз тоже. В разных государствах все на уникальные говорили, но бешеному акценту никто не удивлялся. Некоторых чужестранцев вообще мало понимали. Язык на месте не стоит, он постоянно изменяется. Снова в армию? Кто угодно, но только не я! Сбежать из одной, чтобы в другую попасть? Ищите дураков в другом месте! К тому же я на птичках ездить не умею. Огромный минус для дворянина. Выучусь со временем, но это когда будет!

Порылся в сумке и нашел конверт с бумагами. Начал читать: полностью парня звали — Текс Скинт, виконт Излучины. Так его бывшее поместье называлось. Род захудалый и не очень древний, всего-то пять поколений предков. Запомнил их имена на всякий случай. Второй бумагой оказался контракт на три года, пограничная крепость Заречье. Прибыть к месту службы, в пересчете на общее время, следовало в течение месяца. Текс мне рассказал, что срок через две десятины. Они тут вместо недели декаду использовали. Год — триста пятьдесят дней, сутки двадцать шесть часов. Месяцев не было. Считали декады, просто называли порядковый номер. Крестьяне на это чихать хотели, они от посева до урожая жили. Только аристократы такими вещами интересовались, да и то не все. Тексу тоже было все равно, и точной даты я так и не узнал.

Решил в деревню вернуться — вещички забрать, а потом в ближайший город двинуть. Денег у Текса почти не было, всего несколько серебрушек. Те самые непонятные треугольники с орнаментом монетами оказались.

Переночевал в шалаше, надел на себя одежду и доспехи Текса, пошел назад. В землянке провел еще сутки, стирался и готовился. Хлам выкинул, взял только необходимые вещи: котелок, ложку, кружку, флягу, иголку с ниткой и отрез ткани. Корешков и сушеного салата в сумку накидал. Пику укоротил. Кроме нее, кинжала и столового ножика у Текса ничего не было. Из меня вышел легкий пехотинец. Щита, правда, не хватало.

Закинул переметную суму на плечо и отправился в путь.